

УДК 947.8 (470.26)

Ю. В. Костяшов

**ЛИЧНЫЕ ПОДСОБНЫЕ ХОЗЯЙСТВА:
ИЗ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
КАЛИНИНГРАДСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ КОЛХОЗОВ
(1946 – 1953 ГОДЫ)**

70

На основе неизвестных ранее материалов архивных фондов калининградских колхозов рассматривается значение личного подсобного хозяйства в жизни крестьян-переселенцев в период позднего сталинизма. Особое внимание уделяется размерам приусадебного участка и количеству скота в крестьянском хозяйстве. Сделан вывод о его решающей роли в стратегии выживания колхозников в послевоенной советской деревне.

This article analyses the significance of private subsidiary farming for peasant settlers during late Stalinism. Special attention is paid to the characteristics of private land plots and the livestock number at peasant farms. It is concluded that subsidiary farming played a key role in the survival strategy of kolkhoz members in a post-war Soviet village.

Ключевые слова: колхозы, история повседневности, Калининградская область, личное подсобное хозяйство, 1946 – 1953 гг.

Key words: kolkhozes, history of everyday life, Kaliningrad region, household plots, 1946 – 1953.

В политической экономии социализма индивидуальное крестьянское хозяйство рассматривалось как некое временное дополнение к общественному производству в колхозах, отмирание которого должно произойти в недалеком будущем [1; 2; 32; 39]. В постсоветской историографии показана реальная роль личных подсобных хозяйств (ЛПХ) колхозников: они не только служили основным источником получения средств к существованию для самих крестьян, но и производили свыше половины всей животноводческой продукции, а также овощей и картофеля [4; 33; 34]. В настоящей статье рассматривается явление ЛПХ в период позднего сталинизма с перспективы истории повседневности с опорой на архивные протоколы общих и партийных собраний, а также заседаний правлений переселенческих колхозов Калининградской области.

Принятый еще в 1935 г. Примерный устав сельскохозяйственной артели предусматривал, что «размеры приусадебной земли, находящейся в личном пользовании колхозного двора (не считая земли под жилыми постройками), могут колебаться от $\frac{1}{4}$ гектара до $\frac{1}{2}$ гектара» [38]¹.

¹ В дальнейшем в руководстве страны неоднократно обсуждались планы существенного уменьшения размеров приусадебных участков колхозников, в том числе до 5 соток на двор, то есть в 10 раз [35, с. 101].

О том, что такая льгота крестьянам рассматривалась в высших эшелонах власти как уступка «частно-собственническим, буржуазным тенденциям», свидетельствует постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» [36]. Тем не менее именно эта норма была перенесена в постановление Совмина СССР №1522 от 9 июля 1946 г. о заселении Калининградской области: помимо передачи в личную собственность дома с надворными постройками, за каждой переселяемой в сельскую местность семьей закреплялся приусадебный участок в размере до 0,5 гектара земли (то есть фиксировалось только максимальное значение) [3, с. 95].

Уже на первых организационных собраниях колхозов в повестку дня включался вопрос о создании комиссий по нарезке приусадебных участков, при этом повсеместно семьям крестьян-переселенцев выделялось в пользование по 50 соток земли. Как раз в это время вышло новое постановление ЦК ВКП(б) и правительства, в котором говорилось, что «расхищение общественных земель колхозов приобрело массовый характер» и идет оно за счет «увеличения приусадебных участков колхозников путем самовольных захватов или незаконных прирезок... в целях раздувания личного хозяйства в ущерб общественному» [37]. С конца 1946 г. по колхозам прошла кампания по обмеру приусадебных участков, которая выявила нарушения устава в этой части практически в каждой артели. Так, в колхозе «Дружба» Нестеровского района самовольно «прирезали» к своим огородам от 10 до 35 соток 22 хозяйства, среди нарушителей первые места заняли председатель, члены правления, бригадиры и сельские коммунисты. В колхозе им. Буденного Правдинского района размеры земли в личном пользовании доходили до одного гектара на крестьянский двор [21, оп. 1, д. 8, л. 13; 9, оп. 1, д. 1, л. 30–31 об.]. При разбирательствах по поводу таких случаев проверяющие из района всегда подчеркивали: «Нарушение допущено не потому, что не знали, а потому, что хотели иметь побольше земли на своем участке» [31, оп. 1, д. 141, л. 74].

Однако ни наезды комиссий, ни прокурорские проверки, ни угрозы о передаче дел в суд не искоренили практику «массового захвата земли», напротив, в последующие годы она только расширилась. Очередные контролеры вынуждены были констатировать, что «приусадебные участки не остолблены», «не выполняются решения о немедленной отрезке всех излишков», «не переставлены изгороди на указанные колышки, отведенные комиссией» и т. п. [10, оп. 1, д. 1, л. 65; 11, оп. 1, д. 1, л. 30 об.; 13, оп. 1, д. 2, л. 65, 68; 18, оп. 1, д. 2-а, л. 20; 29, оп. 1, д. 3, л. 3; д. 6, л. 32]. По подсчетам представителя Совета по делам колхозов по Калининградской области, в 147 обследованных колхозах (37 % от общего числа) за 1949 г. «для раздувания личного хозяйства» было незаконно присвоено 6713 га земли [14, оп. 1, д. 2, л. 10]. С учетом того, что в среднем на одну артель приходилось в то время 43 двора, каждая крестьянская семья превысила установленную предельную норму в три раза (правда, в этом случае учитывался и самозахват сенокосов).

Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 г. никак не регламентировал виды культур на приусадебном участке, однако фактически действовал строгий запрет на посев зерновых и возделывание технических культур. Когда же колхозники спрашивали представителей районного начальства, почему их нельзя выращивать в ЛПХ, следовал стандартный ответ: «Запрещено уставом артели» [19, оп. 1, д. 6, л. 19]. Смысл запрета был очевиден: крестьянин не мог обойтись без хлеба (зерно легально он имел возможность получить только на трудодни), а значит, хоть в чем-то зависел от общественного колхозного производства. И все-таки этот запрет многие крестьяне как могли обходили, маскируя на своих усадьбах (как сегодня прячут коноплю) небольшие грядки овса, проса, пшеницы, а если попадался слишком бдительный председатель, устраивали тайные делянки вдали от дома, на краю колхозного поля, а то и в лесу [10, оп. 1, д. 1, л. 65].

Согласно Примерному уставу артели колхозный двор в зерновых районах мог иметь в личном пользовании 1 корову, до 2 голов молодняка рогатого скота, 1 свиноматку с приплодом, до 10 овец и коз (вместе), до 20 пчелосемей и неограниченное количество птицы и кроликов [38]. Эта норма механически переписывалась в уставы калининградских колхозов [25, оп. 5, д. 1, л. 2; 23, оп. 2, д. 7, л. 5–6; 26, оп. 1, д. 9, л. 9 об.]. Когда в уставе колхоза им. Щербакова Большаковского района по решению общего собрания записали «две коровы», прокуратура признала это «грубейшей политической ошибкой», так что документ пришлось переделать [16, оп. 7, д. 30, л. 169].

Однако проблема «двухкоровности», несмотря на «правильные» уставы, оставалась одним из самых больных мест для ревнителей чистоты колхозного строя. Крестьянам иногда удавалось под видом молодняка держать вторую корову-кормилицу. Здесь многое зависело от благорасположения колхозного начальства, лояльности бескоровных односельчан и умения доказать проверяющим, что перед ними всего лишь телочка, только очень упитанная. Когда обстоятельства складывались неблагоприятно, приходилось «в трехдневный срок по одной корове ликвидировать», как это случилось в колхозе «Победа» Краснознаменского района после внезапно нагрянувшей ревизии из райцентра, в проивном случае, как говорилось в постановлении, у нарушителей «скот будет изъят и сдан на колхозную ферму» [27, оп. 1, д. 1, л. 24].

Нередко возникали споры о ягнятах, которые в Примерном уставе упомянуты не были. Начальство требовало их непременно «сбывать», а крестьяне возражали: «Как их сбывать, если ягнята в начале весны имеют истощенный вид?» В колхозе «Победа» Краснознаменского района дискуссия по этому поводу закончилась компромиссом. Общее собрание решило «установить для ягнят срок, чтобы они поправились, примерно месяц или два, и тогда производить реализацию или забой». Итоги обсуждения подвел коммунист Гетманский, который заявил, что «ограничение скота послужит большему укреплению колхоза, а то отдельные колхозники развели такое количество скота, что им нет времени работать в колхозе». В качестве наглядного примера оратор само-

критично указал на собственное хозяйство, в котором имеется 25 овец, вследствие чего он «сам почти что не участвует в колхозном производстве» [27, оп. 1, д. 13, л. 12–13].

Насущной проблемой для личного хозяйства была заготовка кормов. Согласно общему правилу, сначала колхозникам следовало выполнить план по сену для общего стада и лишь потом косить для себя — «кто где найдет, без отрыва от колхозной работы». На этот счет на селе ежегодно получали соответствующие предписания из райкомов и райисполкомов [17, оп. 3, д. 2, л. 65 об.; 30, оп. 1, д. 1, л. 5 об.]. Поскольку общественные планы никогда не выполнялись, крестьяне рисковали остаться вообще без кормов. Вот почему приходилось совершать так называемые «самовольные покосы» в канавах, оврагах, перелесках, на просеках и обочинах дорог, но «иногда залезать и в сенокосные уголья колхоза» [11, оп. 1, д. 1, л. 30 об.]. Чтобы сдерживать «самопокосы», колхозные власти задействовали милицию и прокуратуру.

Прокурор Железнодорожного района Куршаков видел корень зла в потворстве колхозникам со стороны председателей, которые «разрешают косить колхозные луга колхозникам для ихнего хозяйства». В представлении в райком партии он подробно описал типичную, как он посчитал, картину, увиденную им в колхозе «Путь коммунизма»: «Председатель колхоза тов. Ляпин 15 июня 1950 года взял колхозную автомашину и поехал заготавливать сено для личного своего хозяйства, накосил полную автомашину сена и привез на свой двор в присутствии всех колхозников. Он же, Ляпин, также разрешил косить сено на колхозных лугах и бригадиру колхоза тов. Соловьеву. В результате таких действий председатель и бригадир дали повод остальным колхозникам косить сено на колхозных сенокосных участках для личного хозяйства. В результате большая часть колхозников не выходит на колхозную работу, а косят сено для себя». Прокурором было установлено, что «у каждого двора имеется большое количество сена, а при вызове в правление колхозники в один голос заявили, что поскольку председатель колхоза тов. Ляпин заготавливает сено для себя и бросил руководить колхозом, поэтому они также пошли косить сено для себя» [18, оп. 1, д. 4, л. 29–30]. В артели им. Е. Ковальчук Гвардейского района подобный пример подала секретарь деревенской парторганизации тов. Афанасьева, вслед за которой «все колхозники вышли на косьбу для своего хозяйства» [13, оп. 1, д. 1, л. 19 об.]. Некоторым удавалось даже делать бизнес на сене. Член ВКП(б) Конюхов из колхоза «Заветы Ильича» Нестеровского района за лето накосил 30 тонн сена, а «позже занялся продажей его на сторону» [8, оп. 1, д. 1, л. 51].

Существовали разные способы борьбы с самовольными покосами. В колхозе «Верный путь» Большаковского района правление решило «предложить колхозникам сдать сено в колхоз в течение двух дней, а в случае несдачи отобрать в присутствии участкового милиционера» [31, оп. 1, д. 6, л. 14 об.]. В колхозе им. Молотова Гусевского района создали комиссию по обмеру стога сена у членов колхоза, а излишки забрали [24, оп. 1, д. 1, л. 30 об.]. В колхозе им. Сталина Гвардейского района решили «взыскивать за каждую сотку луга 10 кг хлеба или передавать

дело в суд» [20, оп. 1, д. 1, л. 5]. По этому поводу на собрании в артели «Заветы Ильича», где очередной уполномоченный обвинял крестьян в «хозяйственном обрастании», хорошо сказал колхозник Журавлев: «Только и слышишь: “Забрать сено у колхозников!” Зачем нас пугать?» [8, оп. 1, д. 1, л. 93].

Крепкое, хорошо налаженное личное хозяйство вызывало подозрение и обвинения в «хозяйственном обрастании», которое само по себе еще не являлось преступлением, но вело к нему прямой дорогой [12, оп. 1, д. 2, л. 133]. В колхозе им. Черняховского Краснознаменского района на общих собраниях сельские активисты с энтузиазмом разоблачали «лодырей» и «трутней», которые уклоняются от общих работ, зато «раздули свое хозяйство, ежедневно ездят на базары и живут себе спокойно, на что им колхозные работы?» Главной мишенью была семья Клюкаевых, которые «только ездили по базарам, торговали и справляли свое благополучие». «Товарищи, — восклицал один из записных деревенских ораторов, — как же им не ездить, ведь они имеют 1 га усадьбы, 2 коровы, еще 4 головы рогатого скота, который пасется на нашей земле» [28, оп. 1, д. 4, л. 9].

Председатель колхоза им. Энгельса Черняховского района Цуканов с грустью констатировал: «У нас в колхозе еще есть люди такие, что хотят работать так, чтобы в колхозе поработать поменьше, а у себя на дому сделать побольше» [5, оп. 1, д. 1, л. 18 об.]. В колхозе «Путь Ленина» Нестеровского района один из бригадиров так описал различие в отношении колхозников к общественному и личному хозяйству: «Расставишь людей и лошадей на работу, думаешь, [они] работают, приходишь в поле — лошадей нет, смотришь — пашут на своих усадьбах» [7, оп. 1, д. 1, л. 12].

Любопытно, что «антибольшевистский» курс на укрепление индивидуального хозяйства, по мнению многих, приносил свои плоды. Об этом, например, откровенно высказался коммунист Фролов на общем собрании в колхозе им. Кирова Озёрского района 5 февраля 1950 г.: «В 1947 году мы в своем хозяйстве, то есть личном, имели всего-навсего по 1 коровке, да и то не у всех... В 47—48—49 годах ежедневно в среднем выходило на работу 80—100 человек, а в 1950 году колхозники укрепили полностью свое личное хозяйство, стали иметь не только по 1 коровке, но и телочек, подтелочек, по 2 поросенка и работу колхоза забыли, она их не интересует. Товарищи колхозники экономически укрепляют свое хозяйство...» [22, оп. 1, д. 3, л. 14 об. — 15].

Без усталости обличали лень, нерадивость и разгильдяйство колхозников представители районного и областного начальства: «окупиrowались своим хозяйством и наплевали на колхозное», «работают только на своем огороде», «сидят на своем приусадебном участке», «ожидают заглядывания бригадиров или звеньевых», «на работу надо выгонять», «колхозники окулачились, у них свое хозяйство превыше всего» [6, оп. 1, д. 2, л. 123; 22, оп. 1, д. 1, л. 14 об., 15; 25, оп. 5, д. 13, л. 7; 28, оп. 1, д. 4, л. 28 об.]. «У отсталого колхозника, — говорилось на областном совещании по сельскому хозяйству 23 ноября 1948 г., — еще сохраняется в душе “червячок” единоличника, частно-собственнические тенденции дают о себе знать!» [15, оп. 9, д. 67, л. 171].

Между тем представители вышестоящего начальства в своих гневных речах иногда «проговаривались» и косвенно признавали, что речь идет вовсе не о «врожденных» качествах русского крестьянства. Так, на собрании в колхозе «Невский» Нестеровского района тов. Лазарев поделился следующим наблюдением: «Лодырь, который не работает [в колхозе], он всегда живет лучше, и дом у него в порядке, и сена накопил больше» [17, оп. 3, д. 2, л. 60]. Это высказывание, собственно, и раскрывает главный механизм выживания колхозного крестьянства. Будучи уверен, что полученный от труда в колхозе доход ни в коей мере не может обеспечить необходимые для жизни его семьи средства, крестьянин сосредоточивался на личном хозяйстве, всеми способами экономя свои силы за счет уклонения или минимального участия в общественном производстве.

Чудовищно неэффективная система организации труда при полном отсутствии мотивации работников порождала ничтожные результаты колхозного производства, которые почти полностью конфисковались «рабоче-крестьянским» государством. В этих условиях жизнь колхозников представляла собой постоянную борьбу за физическое выживание, когда жизненные интересы определялись самыми первичными, можно сказать, примитивными потребностями. При этом все хоть сколько-нибудь активные, жизнеспособные элементы покидали деревню, уходя на заработки в город. Оставшиеся строили свою жизненную стратегию на минимизации всеми доступными способами своего участия в общем коллективном производстве, чтобы сэкономить силы для приусадебного участка, собственного хозяйства. Оно все эти годы оставалось единственной гарантией обеспечения крестьянской семьи жизненными ресурсами, давало ей возможность выжить.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант №12-01-00047 «Переселенческие колхозы в Калининградской области в 1946–1953 гг.: история повседневности».

Список источников и литературы

1. Аксенов Г. А., Григорьев В. К., Пятницкий П. П. Колхозное право. М., 1950.
2. Белянов В. А. Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1970.
3. В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947) / сост. В.Н. Маслов. Калининград, 2004.
4. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущёву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992.
5. Государственный архив Калининградской области (далее ГАКО). Ф. П-263 (Партийная организация (далее П/о) колхоза им. Ф. Энгельса Черняховского района).
6. ГАКО. Ф. П-438 (П/о колхоза «Большевик» Нестеровского района).
7. ГАКО. Ф. П-439 (П/о колхоза «Калинино» Нестеровского района).
8. ГАКО. Ф. П-440 (П/о колхоза «Заветы Ильича» Нестеровского района).
9. ГАКО. Ф. П-442 (П/о колхоза «Дружба» Нестеровского района).
10. ГАКО. Ф. П-860 (П/о колхоза им. Ф. Энгельса Озёрского района).

11. ГАКО. Ф. П-1020 (П/о колхоза им. Я.М. Свердлова Большаковского района).
12. ГАКО. Ф. П-1177 (П/о колхоза «Зорино» Гвардейского района).
13. ГАКО. Ф. П-1372 (П/о колхоза им. Е. Ковальчук Гвардейского района).
14. ГАКО. Ф. Р-12 (Представитель Совета по делам колхозов при Правительстве СССР по Калининградской области).
15. ГАКО. Ф. Р-139 (Калининградское областное управление сельского хозяйства).
16. ГАКО. Ф. Р-231 (Прокуратура Калининградской области).
17. ГАКО. Ф. Р-535 (Управление сельского хозяйства Нестеровского района).
18. ГАКО. Ф. Р-651 (Прокуратура Правдинского района).
19. ГАКО. Ф. Р-679 (Колхоз им. А. С. Пушкина Гвардейского района).
20. ГАКО. Ф. Р-684 (Колхоз «Зорино» (до 1958 г. — им. И. В. Сталина) Гвардейского района).
21. ГАКО. Ф. Р-813 (Колхоз им. С.М. Буденного Гурьевского района).
22. ГАКО. Ф. Р-839 (Колхоз им. Ленинского комсомола (до 1965 г. — им. С.М. Кирова) Озёрского района).
23. ГАКО. Ф. Р-911 (Колхоз «Красное знамя» Полесского района).
24. ГАКО. Ф. Р-912 (Объединенный архивный фонд колхозов «Восход», «Новая жизнь», им. Э. Тельмана, «Ленинская Искра» Гусевского района).
25. ГАКО. Ф. Р-961 (Управление сельского хозяйства Краснознаменского района).
26. ГАКО. Ф. Р-992 (Объединенный архивный фонд колхозов «Дружба», «Звезда», «Искра», им. В. И. Чапаева Полесского района).
27. ГАКО. Ф. Р-1002 (Колхоз «Победа» Краснознаменского района).
28. ГАКО. Ф. Р-1013 (Колхоз «Бородино» (до 1957 г. — им. И.Д. Черняховского) Краснознаменского района).
29. ГАКО. Ф. Р-1033 (Колхоз «Искра» (до 1957 г. — им. М.И. Калинина) Краснознаменского района).
30. ГАКО. Ф. Р-1040 (Объединенный архивный фонд колхозов им. И.Д. Черняховского, им. С.М. Кирова, «Новая жизнь»).
31. ГАКО. Ф. Р-1052 (Объединенный архивный фонд колхозов «Заветы Ильича» (до 1963 г. — им. В.И. Ленина), им. К.Е. Ворошилова, им. М.И. Калинина, «40 лет Октября» (до 1957 г. — им. В.М. Молотова), «Мир», «Ясное» (до 1960 г. — им. И.В. Сталина), «Победа» Славского района).
32. Григорьевский В. Л., Алексеев М. А. Личное подсобное хозяйство колхозников, рабочих и служащих в СССР. Л., 1968.
33. Зеленин И. Е. И.В. Сталин и личное подсобное хозяйство крестьянина-колхозника: теория, политика, практика // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2003. №3. С. 148–161.
34. Калугина З. И. Личное подсобное хозяйство в СССР. Социальные регуляторы и результаты развития. Новосибирск, 1991.
35. Логинов А. И. Личные подсобные хозяйства колхозников как фактор политической борьбы в высших эшелонах власти СССР в 1945–1953 гг. // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2007. №1. С. 100–103.
36. О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания. Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 27 мая 1939 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=14904> (дата обращения: 01.09.2014).
37. Постановление Совмина СССР, ЦК ВКП(б) от 19.09.1946 г. № 2157 «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». URL: <http://bestpravo.ru/sssr/gn-praktika/i7g.htm> (дата обращения: 01.09.2014).

38. *Примерный устав сельскохозяйственной артели, 17 февраля 1935 г.* // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1935. №11. С. 129–138.

39. *Шмелев Г. И.* Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М., 1971.

Об авторе

Юрий Владимирович Костяшов — д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: kostyashov55@mail.ru

About the author

Prof. Yuri Kostyashov, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: kostyashov55@mail.ru